

УДК 343.985

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ОШИБОК

А. М. ДОМАШЕНКО,
*ассистент кафедры криминалистики,
Национальный юридический университет
имени Ярослава Мудрого,
г. Харьков*

Статья посвящена проблеме определения сущности и признаков следственных ошибок. В контексте представленного исследования обращено внимание на субъективную составляющую подобных негативных проявлений следственной деятельности. Подчеркнута необходимость разграничения ошибок от сознательных нарушений и упущений тактического и процессуального порядка досудебного расследования.

Ключевые слова: следственная ошибка, тактическая ошибка, тактический риск.

Проблемы обнаружения и предотвращения негативных последствий следственных ошибок в деятельности органов досудебного расследования являются весьма актуальными, хотя и не новыми. В теории криминалистики большое внимание уделяется следственным ошибкам как закономерному явлению процесса расследования и раскрытия преступлений. Но, несмотря на широкое разнообразие дефиниций в определении сущности следственных ошибок, нет единства взглядов на природу их возникновения, как и нет единообразного понимания и определения причин порождающих таковые. Одним из дискуссионных является вопрос о субъективной составляющей следственной (тактической) ошибки как результата действия или бездействия следователя, носящего непреднамеренный характер. Анализ криминалистической научной литературы дает возможность выявить различные подходы к определению указанных негативных факторов.

Так, А. Д. Бойков под следственной ошибкой понимает любое незаконное или необоснованное решение, вызванное неправильным действием или бездействием. К числу ошибок он относит грубые процессуальные нарушения, совершаемые вполне осознанно, и неправильное применение

уголовного закона, незаконность и необоснованность которых констатирована соответствующим должностным лицом или органом [1; с. 14-15]. В свою очередь, А. Д. Назаров предлагает относить к следственной ошибке не содержащее признаков уголовно наказуемых деяний незаконное или необоснованное действие, или бездействие следователя, осуществляющего предварительное расследование по уголовному делу, выразившееся в неполноте и односторонности исследования им обстоятельств дела, несоблюдение в уголовном процессе конституционных прав и свобод человека и гражданина, существенном нарушении уголовно процессуального закона, неправильном применении уголовного закона и направленное, по субъективному мнению следователя, на выполнение назначений уголовного судопроизводства, но объективно препятствующее их достижению [2, с. 19].

Полагаем, что подобная позиция цитируемых авторов вызывает определенные возражения, поскольку с научной точки зрения обязательно возникает вопрос, а именно: как соотносятся незаконные и необоснованные действия следователя с собственным мнением, по которому такие деяния направлены на достижение целей уголовного судопроизводства? В этой связи более аргументированным представляется мнение Р. С. Белкина, согласно которому неполнота расследования может быть результатом недобросовестного, халатного отношения следователя к своим обязанностям, небрежного выполнения указаний надзирающего прокурора и т.п. Согласно его замечанию, не представляется, как можно по ошибке существенно нарушить процессуальный закон, если только не иметь ввиду некоторые его общие категории (привлечение к ответственности невиновного и т. п.) [3, с. 166].

Наряду с этим, следует отметить спорные позиции Е. И. Комаровой в определении ошибок досудебного производства, под которыми она понимает, возникшие в результате непреднамеренных действий (бездействий) следователя отдельные нарушения в правилах применения норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства и криминалистических рекомендаций по собиранию, исследованию, оценке и использованию

доказательств, обеспечивающих установление обстоятельств преступления, подлежащих доказыванию, в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования [4, с. 41]. По нашему мнению, слабой стороной данного определения является как раз указание на непреднамеренный характер действий следователя, связанных с нарушениями в части уголовного и уголовно-процессуального законодательства, что по своей сути относится к правовому нигилизму императивных норм. Как представляется, незаконность и необоснованность, допущенная осознанно, в зависимости от степени общественной опасности и наступивших последствий, будет выступать либо в качестве проступка, либо уголовно наказуемого деяния.

Некоторые ученые оспаривают точку зрения непреднамеренного основания в действиях, указывая на то, что иногда бывает трудно найти, где в ошибке умысел, а где добросовестное заблуждение, поэтому относят к ошибке и добросовестное заблуждение, и умышленные действия [5, с. 84]. В данном случае, на наш взгляд, достаточно убедительной представляется позиция Р. С. Белкина, который утверждает, что отличие ошибки от преступления может быть выражено одним словом «заведомо», т.е. привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, и как следствие – незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей и наоборот – незаконное освобождение от уголовной ответственности, вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта; заведомо ложное заключение эксперта, наконец – фальсификация доказательств – действие, которое не может быть совершено по ошибке, по недомыслию. Таким образом, с одной стороны, добросовестное заблуждение субъекта, который искренне считает, что мыслит и действует правильно, надлежащим образом, реально соответствующим достижению цели судопроизводства, с другой – заведомо неверное, ущербное или даже преступное поведение, с осознанием этой ущербности или преступности. Осознание ложности своих выводов, неправильности или даже преступности действий исключают заблуждение как такое психическое состояние, при котором субъект не

осознает неправильности своих суждений и действий и убежден в обратном» [3, с. 240].

Полезным для уяснения сущности «ошибки» может стать обращение к соответствующим философским категориям, относящимся к ошибке и заблуждению. В частности, Ф. А. Селиванов употребляет термин «заблуждение» для обозначения ошибки в знании [6, с. 9]. Он трактует ошибку как неумышленную неправильность. Соотношение ошибки и заблуждения автор усматривает в том, что заблуждение является ошибкой, но не всякая ошибка есть заблуждением. Разницу между этими двумя понятиями ученый усматривает в том, что ошибка – это ложное представление, которое возникает с самого начала и не вызывает сомнения в дальнейшем. Заблуждение же, наоборот, в течение некоторого времени принимается за истину. И только потом субъект осознаёт или узнаёт, что его действия были ошибочными, и желаемый результат не наступил [7, с. 26].

По мнению П. С. Заботина, ошибка и заблуждение в диалектическом процессе познания означают незавершенность отображения, его неполноту, обусловленную рядом факторов объективного и субъективного порядков. Автор утверждает, что заблуждение – это несоответствие знания предмету в силу причин и обстоятельств, не зависящих от личных качеств субъекта. В то же время ошибка раскрывается им как несоответствие, обусловленное чисто случайными качествами индивида и выглядит как частная форма проявления заблуждения [8, с. 72]. По мнению В. А. Кувакина, ошибка и заблуждение – это не одно и то же. Ошибка – результат *непосредственного* познания или действия. Заблуждение – результат определенного неадекватного, *ошибочного отношения* к ошибке. Это своего рода *принятие* ошибки как не ошибки. Наряду с этим автор отмечает, что заблуждение бывает как минимум двух видов: добросовестное и недобросовестное. Добросовестное заблуждение – это такая ошибка, которая не осознается как ошибка, т.е. человек принимает ошибку за истину. При этом предполагается, что он искренне считает, что он высказывает истинное, а не ложное суждение [9, с. 12-13].

Таким образом, исходя из философского понимания данных категорий, можно сделать вывод, что заблуждение есть понятие, характеризующее действие (процесс), а ошибка является понятием, обозначающим результат, итоговое событие, конечное состояние. При этом необходимо учитывать, что заблуждение является необходимым условием наступления ошибки как события. Заблуждение – причина, предпосылка, а ошибка – его следствие. Поэтому, на наш взгляд, при определении ошибки следует исходить из двойного понимания ее соотношения с заблуждением: во-первых, ошибка может рассматриваться как результат заблуждения; во-вторых, ошибка – частный случай проявления заблуждения. Следовательно, ошибку можно трактовать как протекающий в сознании лица мыслительный процесс и как результат деятельности.

Однако следует указать и на некоторую неточность, а именно на то, что лишь добросовестное заблуждение является единственным признаком, сопровождающим ошибку. Позволим подробнее остановиться на данном утверждении. Во-первых, рассматривая заблуждение, как несоответствие знания предмету в силу причин и обстоятельств, не зависящих от личных качеств субъекта, уже указывается на некоторое логическое несоответствие, так как «добросовестный – значит честно выполняющий свои обязанности» [10, с. 172]. По нашему убеждению, связывать в единое понятие такие категории, как добросовестность и заблуждение, по меньшей мере, некорректно, и к тому же заблуждение всегда является результатом неумышленного несоответствия знания его предмету.

Во-вторых, всякое заблуждение является ошибкой, но не всякая ошибка есть заблуждение. Как справедливо замечает В. А. Кувакин, заблуждение рождается после ошибки, на ее основе. Ошибка – акт, то, что произошло. Заблуждение – последующая процедура, одно из трех возможных следствий ошибки. Первое: я распознаю ошибку и тем самым избегаю заблуждения; второе: я не распознаю ошибки, принимаю ее за не ошибку, за истину и тем самым впадаю в заблуждение; третье: я не могу решить, ошибка это или не

ошибка и остаюсь в неведении относительно истины или заблуждения, т.е. оказываюсь в состоянии неопределенности. Человек как бы зависает между истиной и заблуждением. Оно может завершаться и тем, и другим, а в научном познании еще и повторным экспериментом, более тщательной проверкой результатов опыта и т.д. Да и в житейских ситуациях наилучшим выходом из неопределенности является принятие сомнения как сигнала для проверки и более глубокого размышления [9, с. 12-13]. Мы соглашаемся с тем, что субъективная составляющая следственной ошибки является ни чем иным как заблуждением, выражающемся в неадекватном, неправильном отражении объективной действительности. При таком понимании выстраивается вполне логичная причинно-следственная связь: заблуждение необходимо порождает ошибку, а последняя не может возникнуть без первого. Следует отметить, что такая зависимость между заблуждением и ошибкой является весомым аргументом против высказанного в литературе мнения о существовании умышленных ошибок со стороны следователя. Так называемые «умышленные» следственные ошибки есть ни что иное, как завуалированные преднамеренные, просчитанные правонарушения, совершение которых никак не обусловлено заблуждением следователя. Однако ошибка может возникнуть как в результате добросовестного заблуждения, так и неосторожного поведения следователя, в условиях тактического риска, под которым понимается «допущение отрицательных последствий при реализации тактического решения» [11, с. 191]. Это объясняется тем, что только в рискованной ситуации следователь может сознательно допускать возможность нанесения вреда интересам следствия совершаемым им деянием. Как справедливо отмечает В. Ю. Шепитько, сложность принятия решений следователем или судьей обусловлена степенью неопределенности ситуации, допускающей наступление неоднозначных последствий – положительных или отрицательных [12, с. 142]. Необходимо подчеркнуть, что обладая многовариантностью тактических решений, избирая рациональные пути влияния на следственную ситуацию, следователь осознает, что решение, которое он принимает, может быть как

верным, так и ошибочным. Правильную позицию на этот счет занимает О. Я. Баев, который указывает, что проблема оптимальности настолько сложна и неоднозначна, и наилучший ли был использован прием или нет, можно судить лишь по результатам его применения в конкретных условиях, в конкретной тактической ситуации [13, с. 31-32]. Здесь мы, действительно, не вправе говорить о заблуждении в его привычном понимании. Безусловно, основой выбора и принятия решения следователем является его внутреннее убеждение. Его содержание составляет уверенность следователя в правильном и единственно возможном образе своей линии поведения. Однако внутреннее убеждение – это еще не критерий правильности выводов и действий следователя, а результат анализа и оценки сложившейся следственной ситуации с последующим выбором и реализацией тактических средств по ее улучшению.

Таким образом, необходимо признать, что квалифицируя негативный результат действий следователя как следственную ошибку, следует исходить из ее субъективной составляющей, позволяющей отграничить реальную ошибку от преступлений против правосудия и иных упущений следователя. Если же обозначать термином «ошибка» все «вредные» действия следователя, т.е. все действия которые приводят к негативному результату, то тогда, естественно, поиск причин подобных упущений утрачивает свой смысл, тогда безразличен характер импульса, в результате которого произошло это вредное действие.

Список литературы:

1. *Бойков А. Д.* Вопросы укрепления законности и повышения эффективности уголовного судопроизводства в свете решений XXVII съезда КПСС / А. Д. Бойков // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. – М., 1988. – С. 14-15.
2. *Назаров А. Д.* Влияние следственных ошибок на ошибки суда / А. Д. Назаров. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 323 с.
3. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные проблемы российской криминалистики / Р. С. Белкин. – М. : Норма, 2001. – 240 с.
4. *Комарова Е. И.* Уголовно-процессуальные ошибки досудебного производства, устанавливаемые в процессе судебного разбирательства, и пути их устранения / Е. И. Комарова // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – 2 (58). – С. 41–44.

5. Аубакирова А. А. Проблемы следственных и судебных ошибок законодательства / А. А. Аубакирова // Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изменением уголовно-процессуального кодекса : материалы межвуз. науч.-прак. конф. : в 2 ч. – М. : Академия управления МВД России, 2008. – Ч. II. – С. 83–87.
6. Селиванов Ф. А. Истина и заблуждение / Ф. А. Селиванов. – М., 1972. – 96 с.
7. Селиванов Ф. А. Оценка и норма в моральном сознании [Электронный ресурс] / Ф. А. Селиванов ; РФ. М-во образования. Тюм. гос. ин-т искусств и культуры. – 2 изд., перераб. и доп. – Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2001. – 57 с. – Режим доступа : <http://www.portalus.ru/modules/philosophy>.
8. Заботин П. С. Преодоление заблуждения в научном познании / П. С. Заботин. – М. : Мысль, 1979. – 191 с.
9. Кувакин В. А. Не дай себя обмануть. Введение в теорию практического мышления : учеб. пособие / В. А. Кувакин. – М. : Академический проект, 2007. – 312 с.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1990. – 921 с.
11. Белкин Р. С. Курс криминалистики / Р. С. Белкин. – В 3 т. – Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М., 1997. – 480 с.
12. Шепитько В. Ю. Криминалистика: Курс лекций / В. Ю. Шепитько. – Х. : Одиссей, 2003. – 352 с.
13. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика : науч.-практ. пособие / О. Я. Баев. – М. : Экзамен, 2003. – 432 с.

Домашенко А. М. До питання про сутність слідчих помилок.

Стаття присвячена проблемі визначення сутності та ознак слідчих помилок. У контексті представленого дослідження звернуто увагу на суб'єктивну складову подібних негативних проявів слідчої діяльності. Підкреслено необхідність розмежування помилок від свідомих порушень і прогалин тактичного та процесуального порядку досудового розслідування.

Ключові слова: слідча помилка, тактична помилка, тактичний ризик.

Domashenko A. M. To the question about the nature of investigative errors.

The article is devoted to the problem of determining the nature and characteristics of the investigative errors. In the context of the presented research drew attention to the subjective component of such negative manifestations of investigative activity. Stressed the importance of distinguishing errors from conscious violations and omissions of tactical and procedural order of pre-trial investigation.

Key words: Investigation error, tactical error, tactical risk.